

МОСКВИТЯНИНЪ.

1845.

ЧАСТЬ VI.

№ 12.

ДЕКАБРЬ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КНИГѢ СТОГЛАВЪ.

Много говорили, много писали о *Стоглавѣ*, о *Стоглавомъ Соборѣ*. Когда споры съ раскольниками были жарки: не удивительно, что книгу *Стоглава* смѣшивали съ дѣлами Собора 1551 г., называя послѣдній *Стоглавымъ Соборомъ*. Но смѣшеніе это было напрасное. Хорошо ли, худо ли *Стоглавъ*, — это не мѣшаетъ существованію Собора 1551 года.

Пусть въ 1551 г. собирались и разсуждали Епископы о церковныхъ предметахъ! Они разсуждали сами по себѣ. А писатель *Стоглава* разсуждать могъ самъ по себѣ. Мы будемъ говорить о историко-юридическомъ значеніи книги *Стоглава* и скажемъ о томъ сколько можемъ.

1. Въ дѣлѣ о книгѣ *Стоглавъ* весьма важно свидѣтельство Собора 1554 г. тѣмъ болѣе, что это свидѣтельство сохранилось въ древней запискѣ. Записка о Соборѣ 1554 г. по дѣлу Висковатаго (по Волокол. ркп. N 404). начинается такъ: „Въ лѣто 7062 мѣс. Окт. 25 д. (1553 г.) была рѣчь Царя и Государя В. К.

ДОКТОРЪ ВОЛЬФЪ ВЪ БУХАРѢ.

Приступая къ разсказу о самомъ необыкновенномъ и самомъ опасномъ предпріятіи, на какое только въ наше время кто-либо пускался, не бесполезно будетъ познакомиться хотя отчасти съ самымъ отважнымъ священникомъ, за приключеніями котораго намъ рены поспѣдовать. Вольфъ родомъ нѣмецкій жидъ. Отрекшись отъ вѣры предковъ своихъ, онъ получилъ ученое и религиозное воспитаніе въ коллегіумѣ римской пропаганды. По слѣдующему анекдоту, за достовѣрность котораго ручаются, легко догадаться, что Вольфъ не могъ ограничиться коллегіумскимъ ученіемъ. Бывъ еще ученикомъ, онъ завелъ съ своими товарищами споръ объ вѣрности перевода одного текста Св. Писанія; противники предложили ему отдать вопросъ на судъ папы. — Не къ чему, отвѣчалъ смѣлый новиціатъ: я не хуже его знаю по еврейски.

Покинувъ навсегда прежнихъ своихъ наставниковъ, Вольфъ три недѣли путешествовалъ по Франціи съ Англичаниномъ, замѣтившимъ его въ Римѣ по вышеприведенному случаю. Этихъ трехъ недѣль достаточно было для него, чтобы выучиться свободно говорить по Французски. Въ Кембриджѣ онъ выучился арабскому и персидскому языкамъ, и, здѣсь же перешелъ къ англиканскому исповѣданію. Въ 1821 году начались продолжительные миссіонерскіе труды его. Онъ путешествовалъ по Палестинѣ, Египту, Месопотаміи, Персіи, Крыму, Грузіи и по всей Турецкой Имперіи. Позднѣе, съ 1826 по 1830 годъ, проповѣдовалъ Слово Господне своимъ единоплеменникамъ, живущимъ въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Голландіи и на берегахъ Средиземнаго моря. Потомъ — съ 1831 по 1734, продолжалъ свои заня-

тія въ Турціи, Персіи, Туркестанѣ, Бухарѣ, Авганистанѣ, Кашемирѣ, Индустанѣ и на берегахъ Чернаго моря.

Во времена перваго своего путешествія, Вольфъ былъ посаженъ въ тюрьму. Товарищемъ въ заключеніи былъ Магомедъ-Ханъ-Кераге, *терзатель головъ*, получившій такое прозвище, потому что, бывъ необыкновенно силенъ, онъ могъ безъ ножа обдирать черепы побѣжденныхъ непріятелей. Этотъ свирѣпый разбойникъ велъ свой родъ по прямой линіи отъ Чингисъ-Хана. Магомедъ-Ханъ-Кераге распространилъ ужасъ въ Хивѣ и Бухарѣ; Киргизы и другія кочующія племена были съ нимъ въ политическихъ сношеніяхъ; вдругъ счастье, покровительствовавшее первымъ его попыткамъ, покинуло его. Грозный узникъ не ропталъ на несчастіе, и благословлялъ Божественный Промыслъ, столь строго наказавшій его. — Я упалъ, говорить онъ Вольфу, но Богъ великъ, и никто не можетъ знать своей судьбы.

Въ 1838 году Вольфъ просилъ себѣ постояннаго мѣста въ Англіи. Девятнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ трудахъ, опасностяхъ и лишеніяхъ давали ему полное право искать успокоенія. Англиканская церковь, столь щедрая къ другимъ менѣе дѣятельнымъ служителямъ своимъ, дала ему убогое мѣстечко въ Йоркширѣ, приносящее 24 ф. с. годоваго дохода (не много болѣе 150 руб. серебр.), а общество вспоможенія бѣднымъ священникамъ (Pastorial aid society), обыкновенно назначавшее отъ себя къ этому жалованью 80 ф. ст. прибавки, отказало въ ней Вольфу потому, что онъ женился на Леди Джіорджіанѣ (lady Geargiona), имѣвшей небольшой пожизненный доходъ.

Пять лѣтъ отправлялъ Вольфъ обязанности священника, сперва въ Сутвайтѣ, а потомъ въ Га-Голандѣ близъ Вакфильда, когда ему снова представился случай предпринять путешествіе, на этотъ разъ уже политическое, долженствовавшее обратить вниманіе публики на самоотверженіе этого человека, остававшагося до того времени незамѣченнымъ.

Англійское правительство отправило полковника Стоддарта въ Бухару, капитана Аббота и Роберта Шекспира въ Хиву, Капитана Конолли въ Кокандъ. Двое послѣднихъ исполнили свое дѣло успѣшно. Напротивъ того въ Бухарѣ случилось происшествіе, о которомъ Англія на долго сохранить печальное воспоминаніе.

Полк. Стоддартъ служилъ въ Азіи съ 1835 года при Персидскомъ посольствѣ. Послѣ отъѣзда посланника изъ Тегерана, т. е. въ Маѣ мѣсяцъ 1836 года, онъ заступилъ его мѣсто; въ 1837 году сопровождалъ Шаха въ походъ къ Герату. Въ Іюнѣ мѣсяцъ 1838 года, онъ вмѣстѣ съ сиромъ Джономъ М'Нейлемъ, посланникомъ при Персидскомъ дворѣ, воротился въ Тегеранъ, но вскорѣ отправился опять въ лагерь шаха подъ Гератомъ: ему поручено было просить шаха снять осаду; вслѣдъ за тѣмъ онъ посланъ былъ въ Бухару. Истинная цѣль его посольства до сихъ поръ неизвѣстна.

Неменѣ загадоченъ и самый характеръ этого солдата дипломата, обреченнаго такой трагической смерти. Другъ его, капитанъ Гроверъ, представляетъ его человѣкомъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, но неумѣющимъ владѣть собою, повинующимся *слабымъ побужденіямъ*, и во все неспособнымъ къ дипломатическимъ порученіямъ. Однакожъ, мы видимъ, что ему даютъ чрезвычайно щекотливыя порученія, и онъ исполняетъ ихъ искусно. Какъ согласить эти противорѣчія? можноли повѣрить, чтобы человѣку неосторожному, заносчивому, поручено было просить Шаха о снятіи осады Герата? Какъ бы то ни было, начало ссоры, которая навлекла на Стоддарта гнѣвъ эмира, относится къ первому ихъ свиданію. Вотъ какъ это рассказываетъ Гроверъ.

„Возвращаясь изъ *большой мечети*, эмиръ проходилъ черезъ общій дворъ и увидалъ полковника Стоддарта, который, не сходя съ лошади, привѣтствовалъ его по военному. Эмиръ посмотрѣлъ на него пристально нѣсколько секундъ, и пошелъ далѣе, не сказавъ ни слова. Прійдя во дворецъ, эмиръ послалъ одного изъ сво-

ихъ макрамовъ (камергеръ) спросить у полковника, по чему онъ не сошелъ съ лошади. Стодартъ отвѣчалъ, что таковъ обычай въ Англіи, и что потому онъ рѣшился поступить также и здѣсь. Нѣсколько минутъ спустя другой посланецъ объявилъ, что Эмиръ доволенъ объясненіемъ Стодарта и приглашаетъ его тотчасъ же во дворецъ. Тогда ввели его въ корридоръ, сообщавшійся съ дворомъ, на которомъ Эмиръ принимаетъ прошенія; дворъ этотъ называется Арезанахъ. Здѣсь, явился къ нему мокрамъ, и спросилъ, желаетъ ли онъ, что бы его рабскія моленія были переданы Эмиру. Полковникъ, оскорбившійся сими выраженіями, отвѣчалъ, что онъ не рабъ, молится только Богу, и скажетъ Эмиру самъ, что надобно. Погодя немного, явился церемоніймейстеръ, чтобы ввести его. Между Узбеками этикетъ требуетъ, чтобы всякій представляющійся, при входѣ въ пріемную залу, стоялъ между двухъ прислужниковъ, которые держать его подъ мышки. Этотъ обрядъ хотѣли соблюсти и съ Стодартымъ, который, не зная мѣстныхъ обычаевъ, вообразилъ себѣ, что съ нимъ хотятъ употребить Константинопольскую методу, то есть, съ быстротою привлечь его къ подножію трона и силою распростереть у ногъ Эмира. Не желая подвергнуться такому униженію, онъ сильнымъ движеніемъ освободился отъ своихъ спутниковъ. Подоспѣвшій церемоніймейстеръ сталъ опасаться, не скрывается ли подъ этимъ выраженіемъ непокорности какого либо злаго намѣренія противу Эмира, и счелъ обязанностію посмотреть, нѣтъ ли у полковника скрытаго оружія. Неумѣстная ревность его была награждена полновѣсною пощечиною, отъ которой онъ растянулся у ногъ полковника, и Стодартъ вошелъ во покой Эмира одинъ.

Эта пощечина, впрочемъ, очень сомнительна. Абдуль Салеутъ-Ханъ, наибъ Эмира, бывшій при этомъ происшествіи, говоритъ, что полковникъ обнажилъ шпагу, но молчитъ о пощечинѣ, данной церемоніймейстеру. Нельзя впрочемъ не согласиться, что, принявъ это послед-

нее объясненіе, трудно понять зачѣмъ искали скрытаго оружія у человѣка явно вооруженнаго?

Вслѣдствіе этого столь неудачно начавшагося свиданія, Стоддартъ былъ схваченъ прислугою Эмира, брошенъ въ тюрьму, подвергнулся всѣмъ родамъ мученій физическихъ и нравственныхъ. Потомъ его перевели въ домъ миръ-шуба (начальника полиціи) и здѣсь-то, подъ ножомъ палача, онъ долженъ былъ принять ислаимзмъ. Жидъ, привезшій ему депеши, былъ тоже, послѣ ласковаго пріема, схваченъ и заключенъ; его также заставили публично принять ислаимзмъ, послѣ чего тотчасъ же обезглавили, вѣроятно для того, чтобы отнять у него возможность снова отречься отъ вѣры.

Послѣ долгихъ лишеній, опасеній за жизнь, болѣзни, голода, тяжкаго заключенія, Стоддартъ былъ наконецъ освобожденъ. Ему позволили списаться съ правительствомъ и капитаномъ Конолли, бывшимъ въ то время въ Кокандѣ, и собиравшимся выѣхать въ Кабуль.

Эмиръ приглашалъ Конолли ѣхать черезъ Бухару. Сиръ Вильямъ Макналтенъ считалъ поѣздку въ Бухару весьма полезною, если впрочемъ, онъ полагаетъ найти тамъ ласковый пріемъ, и потому Конолли легко допустилъ уговорить себя. Его приняли отлично, отвели особый домъ, и даже Эмиръ назначилъ ему ежедневное денежное содержаніе. 10 Ноября 1841 года Стоддартъ переѣхалъ на житье къ Конолли. Нѣсколько дней спустя пришло извѣстіе, что Кабуль взбунтовался. Александръ Борнесь убитъ вмѣстѣ со многими другими Англичанами, и англійское вліяніе въ Афганистанъ уничтожено. Слухъ этотъ, принятый сначала недовѣрчиво, съ каждымъ днемъ получалъ новую степень достовѣрности. Считая тогда англичанъ потерявшими возможность найти себѣ въ комъ либо защиту, Эмиръ снова принялъ противу нихъ свирѣпыя мѣры: 19 Ноября ихъ опять заключили въ тюрьму. Въ то же время были задержаны служители ихъ и посланные Шаха - Суджи; имущество ихъ было разграблено. Послѣднія свѣдѣнія, которыя англійскимъ офицерамъ

удалось доставить о себѣ, относятся къ 11 Апрѣля 1842. Множество свидѣтельствъ заставляетъ полагать, что они два мѣсяца спустя были казнены по приказанію Эмира.

Первое извѣстіе объ этомъ печальномъ происшествіи доставилъ Гератскій житель, пріѣхавшій въ Бухару, къ капитану Конолли, и вмѣстѣ съ нимъ заключенный въ тюрьму. Аконзиде-Салекъ-Могаметъ заслуживаетъ полную довѣренность. Онъ часто былъ употребляемъ капитаномъ Конолли въ дѣлахъ, требовавшихъ честности и отважности, и всегда показывалъ почти безпредѣльную преданность. Въ то время, когда онъ сообщилъ извѣстіе о смерти Стоддарта и Конолли (23 Ноября 1842), онъ находился еще въ Бухарѣ и только что былъ выпущенъ на волю. Его показаніе ни въ какомъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію. И для чего бы ему искажать истину? Онъ самъ пострадалъ за преданность къ Англичанамъ, былъ мучимъ, раззоренъ; онъ могъ жаловаться на это, требовать вознагражденія и слѣдовательно ложь только бы повредила ему. Правда, Салекъ Могамедъ не присутствовалъ при казни, но онъ видѣлъ могилу несчастныхъ, и извѣстіе о смерти Стоддарта и Конолли сообщилъ ему палачъ, предлагавшій также и головы ихъ; кажется, чего бы болѣе? За всѣмъ тѣмъ нашлись люди недовѣрчивые, между ними Капитанъ Гроверъ, сомнѣвался всѣхъ болѣе, и вотъ по какому случаю.

Во время пребыванія Гровера во французскихъ африканскихъ владѣніяхъ, нѣкоторые офицеры, и между ними одинъ старый генералъ, котораго онъ не называетъ по имени, сказывали ему, что многія англійскіе агенты въ средней Азіи погублены съ вѣдома Англійскаго правительства. Сперва Гроверъ не хотѣлъ вѣрить этимъ намекамъ, внушаемымъ, какъ онъ полагалъ, недоброжелательностію французовъ къ англичанамъ; но слыша тѣже слова и въ другихъ государствахъ, онъ убѣдился, что Стоддартъ и Конолли принесены въ жертву на таинственномъ жертвенникѣ дипломатіи; по этому, не смотря на официальное объявленіе о ихъ смерти, онъ полагалъ, что они еще живы.

Въ это время Вольфъ предложилъ семейству несчастнаго Конолли освободить плѣнниковъ, если извѣстіе о ихъ смерти невярно. Гроверъ, узнавшій о томъ изъ журналовъ, досталъ необходимый на столь дальнее путешествіе капиталъ, и, 14 Октября 1843 года, Вольфъ оставилъ Англію. Правительство не захотѣло оказать ему даже малѣйшей помощи.

Въ Константинополѣ Страффордъ Каннингъ и въ особенности его супруга, приняли Вольфа ласково. По просьбѣ посланника, Султанъ написалъ собственноручное письмо къ Эмиру; тоже сдѣлалъ Шейкъ Исламъ, глава магометанскаго духовенства въ Константинополѣ, а русское посольство доставило ему охранные листы. Докторъ Вольфъ былъ перевезенъ безденежно на Англійскомъ пароходѣ до Трапезонта; издержки за проѣздъ отъ Трапезонта до Ерзерума были также заплачены, а Ерзерумскій паша принялъ на себя путешествіе его до границъ Персіи.

Пускаясь въ это странствіе, Вольфъ написалъ воззваніе ко всѣмъ магометанскимъ народамъ, которое съ нарочными — Магометанами было разослано въ Афганистанъ, Кабуль, Кашемиръ и Бухару. Оно состояло въ слѣдующемъ:

Послѣдователи Ислама!

„Во всей Турецкой имперіи, въ Аравіи и Афганистанѣ помнятъ меня. Я былъ между вами въ Дамаскѣ, Египтѣ, Алепѣ, Багдадѣ, Испаганѣ, Бухарѣ, Кабулѣ и Индустанѣ. Я бесѣдовалъ о пришествіи въ міръ Іисуса Христа съ магометанами, жидами, персами, индійцами. Не раздвѣляя вовсе ихъ религіозныхъ вѣрованій, я былъ однакожь благосклонно принятъ въ Дели Великимъ Моголемъ, въ Персіи Шахомъ и великими моллами въ Багдадѣ, Константинополѣ, Испагани, Кашемирѣ и Бухарѣ. Я ѣздилъ до предѣловъ вселенной; былъ въ Америкѣ, лежащей по ту сторону моря, всюду призывая людей во имя Іисуса Христа къ покаянію и добрымъ дѣламъ“

Нынѣ узнавъ, что два офицера высокихъ качествъ, полковникъ Стоддартъ и капитанъ Конолли, казнены по приказанію эмира, вмѣстѣ съ однимъ неаполитанскимъ офицеромъ, кавалеромъ Населли, я намѣренъ удостовѣриться въ самой великой Бухарѣ въ справедливости этого извѣстія. Я не вѣрю ему, потому что былъ принятъ тамъ съ радушіемъ. Кромѣ того, подобное дѣйствіе противно обычаю гостепріимства, священному для магометанъ. По этому, я отправляюсь для испрошенія свободы симъ лицамъ, если они еще живы, или, если они погибли, для узнанія причинъ ихъ смерти.

Константинопольскій султанъ (да сохранить Господь его жизнь) и Шейхъ-Исламъ — да спасетъ Богъ его дни — дали мнѣ письма къ Бухарскому Эмиру и великимъ мулламъ того города. Теперь я обращаюсь ко всемъ магометанскимъ государямъ и ко всемъ мулламъ съ просьбою, что бы и они то же дали мнѣ письма къ Бухарскому эмиру и обезпечили мнѣ тѣмъ благосклонный пріемъ.“ — *Иосифъ Вольфъ*.

Въ Тегеранѣ Вольфъ получилъ письма къ Бухарскому эмиру отъ шаха и отъ Гаджи-Мурзъ-Аги, перваго его министра. Въ Мешидѣ онъ встрѣтилъ Аkozаде-Салехъ-Магомета, на свидѣтельствѣ котораго Англійское правительство основалось при официальномъ обнародованіи смерти Стоддарта и Конолли. Послѣ самаго подробнаго распроса, Вольфъ остался при прежнихъ сомнѣніяхъ. Во время своего пребыванія въ Мешидѣ Вольфъ узналъ также о нѣкоторыхъ измѣнахъ, послужившихъ къ погубленію Стоддарта. У него былъ агентъ, Магометъ-али-Серафъ; въ рукахъ его оставалось много вещей принадлежавшихъ Стоддарту, въ коихъ онъ никому не далъ отчета. Кромѣ того этотъ человекъ удержалъ у себя письмо Константинопольскаго султана къ эмиру Бухарскому. Письма отъ Моисея Монтефіора къ Бухарскимъ жидамъ, посланные мистриссъ Макнагтенъ и миссъ Стоддартъ, были отправлены имъ по назначенію только за мѣсяць до пріѣзда Вольфа. Понятно,

что еслибы Магомедъ-али-Серафъ показали болѣе усердія и вѣрности въ передачѣ ихъ, положеніе плѣнниковъ было бы не столь опасно.

Собранныя въ Мешидѣ свѣдѣнія были впрочемъ весьма благопріятны. Вольфъ узналъ, что Курбанъ-бекъ, начальникъ каравановъ, жившій всего въ 12 дней ѣзды отъ Бухары, увѣрилъ, будто Англійскіе офицеры еще живы, и содержатся внѣ города, въ Калай-Какули. Начальникъ Туркомановъ показывалъ Вольфу письмо писанное изъ Бухары, изъ котораго было видно, что Стодартъ не былъ казнень. Всѣ эти свѣдѣнія заставили Вольфа ускорить путешествіе.

Могамедъ-Али-Серафъ всячески старался отговорить его. Послѣ тысячи довольно ловкихъ намѣтковъ онъ наконецъ привелъ къ нему Гаджи-Ибрагима, брата начальника артиллеріи эмира Бухарскаго. Гаджи-Ибрагимъ началъ съ того, что спросилъ, есть ли у Вольфа письма отъ Англійской королевы къ эмиру. Получивъ отвѣтъ, что у него есть письма султана Константинопольскаго, и Персидскаго шаха, Ибрагимъ отвѣчалъ: всѣ эти письма лучъ (никуда не годятся), и я тебѣ скажу напередъ, что съ тобою будетъ по прѣздѣ въ Джегаръ-Джу. Тебѣ заключать въ тѣсную комнату, отобравъ напередъ всѣ деньги, и пошлуть къ эмиру извѣстіе о твоёмъ заключеніи. Получивъ отвѣтъ, тебѣ завяжутъ глаза, чтобы ты не могъ видѣть мѣстъ, черезъ которыя будешь проѣзжать; потомъ отведутъ въ Черную-Башню, и казнятъ безъ всякаго суда.“

Единственное мѣсто на пути изъ Мешиды въ Бухару, гдѣ Вольфъ останавливался, было Моуръ, мѣсто-пребываніе Абд-Уррамана великаго дервиша Хивскаго и Бухарскаго. Этотъ человекъ есть живой законъ дикихъ странъ, посреди которыхъ онъ живетъ; единственная власть, признаваемая кочующими племенами, которымъ Провиднiе отдало эту огромную страну. Если бы его не было, не лзя бы и подумать о переездѣ черезъ пустыни Моура, Сарака и Рафизака. Благодаря почтенію,

которое сохраняютъ къ нему, понятія о правѣ не совсемъ еще здѣсь исчезли. Его величаютъ подобно ханамъ, титуломъ величества (хазратъ) и воздаютъ ему тѣ же почести, что и имъ. Пускаясь на грабежи, Туркоманы приходятъ за его благословеніемъ, и при возвращеніи, даютъ ему десятину отъ добычи. — Подобно другимъ, великій дервишъ увѣрялъ Вольфа, что Стоддартъ живъ еще, и это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что объ участи Конолли ему ничего не было извѣстно. Австрійскій консулъ Герси говорилъ, будто Стоддартъ командуетъ въ Бухарь артиллеріею эмира, но онъ видимо ошибался: ея начальствовалъ братъ Гаджи-Ибрагима, Абдуль-Самутъ-Ханъ.

Вольфъ покинулъ Моуръ 15 Апрѣля. Недалеко отъ туда, въ Кальджъ, онъ былъ задержанъ снѣгомъ, выпавшимъ въ значительномъ количествѣ. Вольфъ проводилъ время въ бесѣдахъ съ Туркоманами и дервишами. Воспоминанія о Тамерланъ и Надиръ-шахъ еще живы среди этихъ племенъ. Надиръ-шахъ первый сдѣлалъ перепись Туркоманамъ. Онъ осыпалъ ихъ золотомъ за военныя службы. — „Такъ должны поступить и англичане, прибавилъ одинъ разскащикъ, если хотятъ завоевать Хиву и Бухару. Мы, Туркоманы, хотимъ только, чтобы насъ хорошо кормили, а до того кто будетъ управлять, намъ мало дѣла. Мы всегда будемъ за того, кто сильнѣе.“

По мѣрѣ приближенія къ Бухарь, умножались непріятныя извѣстія. Погибель англійскихъ офицеровъ не подлежала болѣе сомнѣнію. Вольфъ началъ вѣрить разсказу Гаджи Ибрагима, считавшаго главною причиною смерти Стоддарта и Конолли письмо Лорда Елленборо къ Эмиру, въ которомъ они были названы невинными путешественниками, и сталъ считать жизнь свою въ опасности. Печальнымъ предзнаменованіемъ этой опасности было удаленіе отъ Вольфа лицъ, съ которыми онъ путешествовалъ. Два Туркомана Эмиръ Садоръ и Кассеръ Кули покинули его, а Диль-Ассанъ-Ханъ, Туркоманскій старшина, которому Мешадскій губернаторъ въ

особенности поручилъ охраненіе Вольфа, воспользовался ночью, когда онъ спалъ, и съѣздилъ въ Каракаль, чтобы узнать, чѣмъ можетъ окончиться поѣздка англійскаго миссіонера. Карокольскій начальникъ отвѣчалъ ему, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Вольфъ заплатится головою. Послѣ такого объявленія, Диль-Ассинъ-Ханъ весьма неохотно продолжалъ путешествіе. На слѣдующемъ почлегѣ узнали впрочемъ, что Эмиръ, увѣдомленный о настоящей цѣли поѣздки Вольфа, приказалъ принять его съ честію. Еще при выѣздѣ изъ Моура онъ одѣлся въ пасторское одѣяніе; въ этомъ нарядѣ въѣхалъ и въ Бохару, вопреки Диль-Ассанъ-Хану, совѣтовавшему явиться въ одеждѣ нищаго. Въ рукахъ держалъ онъ біблію, которую отъ времени до времени читалъ. Путешественники, прежде отправленія въ назначенную для нихъ квартиру, были отведены ко дворцу Эмира. Дворецъ расположенъ на холмѣ. Серкердаги (вельможи Бухарскіе) опередившіе ихъ нѣсколькими секундами, сошли съ лошадей у воротъ. Народъ, собравшійся вокругъ Вольфа, спрашивалъ его, какую книгу держалъ онъ въ рукахъ. Онъ отвѣчалъ, что это Товратъ-е-Мусса (законы Моисея), Сибуръ-е-Давудъ (псалмы Давида) Андудлисъ-е-Есаю (Евангеліе Иисуса Христа) и пророчества Исаи, Іезекіиля, Іереміи; всѣ эти имена свято чтутся на востокъ.

За тѣмъ предложили ему вопросы о церемоніалѣ, и когда онъ согласился, приняли письма, отнесли къ Эмиру и потомъ немедленно допустили къ аудіенціи. Эмиръ принималъ Вольфа на балконѣ своего дворца. Народъ, стоявшій въ почтительномъ разстояніи, наблюдалъ, какимъ образомъ путешественникъ исполнитъ требованія этикета. Съ своей стороны Вольфъ зналъ, чего ему можетъ стоить малѣйшее уклоненіе отъ него, и потому безпрестанно кланялся и говорилъ; аллакъ-акбаръ! селамъ алейкомъ! пока Эмиръ, помиравшій со смѣху, трижды не приказалъ ему перестать „что за смѣшной англичанинъ,“ говорилъ онъ, „что за глаза, что за платье, что у него за книга въ рукахъ?“

Эмиръ довольно толстъ, росту около 5 ф. 6 д. лице у него смуглое, глаза малые, черные; онъ дергаетъ лицомъ. Голосъ не громкій, неясный, и произношеніе чрезвычайно скорое; наружность его показываетъ, что онъ не врагъ хорошаго стола, носить онъ обыкновенный костюмъ моллы, безъ малѣйшихъ украшеній. Эмиръ рожденъ отъ персидской рабыни, и Туркоманы говорятъ о немъ: конь и ослица производятъ на свѣтъ мула; узбекъ, жинившійся на персіянкъ, — чудовище“. Они довершаютъ характеристику, прибавляя, что Эмиръ сосалъ грудь людоедки, потому что кормилицей его была казачка. Вольфъ, кажется, смѣшиваетъ уральскихъ казаковъ съ независимою Киргизъ-кайсацкою ордою, а объ этихъ женщинахъ думаетъ, будто онъ, подобно хищнымъ птицамъ питаются трупами, находимыми въ степи.

Въ слѣдъ за аудіенцій былъ сдѣланъ шевкаломъ допросъ Вольфу и спутнику его Диль-Асса-хану. Каково же было удивленіе доктора, когда Туркоманъ сталъ отрицаться отъ всякаго знакомства съ нимъ! Вольфа спрашивали: за чѣмъ онъ пріѣхалъ, отъ правительствали посланъ, какъ приняли въ Европѣ смерть Стоддарта и пр.

Эмиръ чрезвычайно любопытенъ. Макрамы его безпрестанно прибѣгали къ доктору съ вопросами подобными слѣдующимъ: Какъ христіанскіе моллы доказываютъ истину своей религіи? Можетъ ли Вольфъ воскрешать мертвыхъ? Просили его также разсказать, какъ путешествуютъ по Персіи, Турціи, Англіи. Большаго труда стоило Вольфу дать Эмиру понятіе о желѣзныхъ дорогахъ.

Потомъ спросили доктора, за мужемъ ли королева; Докторъ отвѣчалъ утвердительно, прибавляя, что власть остается въ ея рукахъ Эмиръ былъ чрезвычайно удивленъ этимъ, и докторъ долженъ былъ войти въ подробности престолонаслѣдія въ Англіи.

Эмиръ спросилъ имена четырехъ великихъ и двѣнадцати малыхъ визирей Англіи. Вольфъ послалъ ему списокъ членовъ настоящаго кабинета. Вскорѣ затѣмъ возвратился Макрамъ, взволнованный, и объявилъ, что Эмиръ открылъ обманъ Вольфа. По словамъ Стоддарта четыре

великіе визири были Лордъ Милбирнъ (Мельбурнъ) Лордъ Джинъ Раусаль (Д. Руссель), Лордъ Мелгривъ (Мюльгравъ), сиръ Джинъ Габгезъ (Д. Гобгоусъ). Вольфъ тотчасъ же приказалъ вести себя къ Эмиру, и для оправданія, старался объяснить ему образъ правленія Англіи. Больше всего помогло однакожь Вольфу то, что онъ называлъ по именамъ всѣхъ членовъ прежняго министерства.

Пользуясь случаемъ, Эмиръ спросилъ доктора: есть ли въ Англіи колдуньи? Для чего Англичане отыскиваютъ старыя монеты? Потомъ спрашивалъ о Даринъ, Чингисъ-Ханъ. Разсказавъ важнѣйшія происшествія изъ жизни сего послѣдняго, Вольфъ прибавилъ, что жида считаютъ его своимъ единокровцемъ.

Эмиръ спросилъ также, можетъ ли Королева казнить кого ей вздумается. Докторъ отвѣчалъ, что нѣтъ, но что она можетъ простить величайшаго преступника, приговореннаго къ смерти; онъ прибавилъ, что люди, покусившіеся на ея жизнь, были великодушно помилованы ею. Одинъ изъ макрамовъ вмѣшался въ разговоръ; что это за королевство, сказалъ онъ, и что за смѣшной король, который не можетъ свободно казнить, когда ему вздумается.

Надзоръ за Вольфомъ становился день ото дня строже, и жизнь его находилась въ видимой опасности; не смотря на то, онъ не забывалъ своей цѣли и успѣлъ узнать, что письмо Лорда Еленборо, раздражившее какъ полагали Эмира, и ускорившее смерть Стоддарта, не дошло до него. Трудно повѣрить, а между тѣмъ это правда, что не смотря на безчувственность Эмира, его не боялся обманывать: письмо было утаено паибомъ, что-бы дать непріязненный ходъ сношеніямъ Бухары съ Англіею.

Наконецъ пріѣхалъ Персидскій посланникъ Аббасъ-Кули-Ханъ и тотчасъ же потребовалъ свиданія съ миссіонеромъ; не пробылъ онъ съ нимъ и пяти минутъ, какъ паибъ, у котораго Вольфъ жилъ, прислалъ звать доктора къ себѣ, уговаривалъ его остаться по прежнему у него, обѣщалъ защищать его передъ Эмиромъ и даже еслибы тотъ покусился на его жизнь, явно воспро-

тивиться его воль. На другой день онъ увѣрялъ Вольфа, будто шахъ и первый его министръ тайно просятъ Эмира казнить его. Этотъ рассказъ такъ сильно перепугалъ Вольфа, что онъ рѣшился бѣжать. Между нимъ и Набоомъ произошла горячая сцена, въ самомъ разгарѣ которой явился Макрамъ и потребовалъ доктора къ Эмиру. Онъ совершенно потерялся, и, считая смерть неизбежною, бросился бѣжать и укрылся въ домѣ явара (маіора) эмирскаго. Здѣсь ему разставили новыя сѣти: въ комнату, въ которой онъ находился, вошла женщина безъ покрывала, и съ улыбкою помѣстилась подлѣ него. Набожному миссіонеру нужно было употребить весь гнѣвъ, можетъ быть и притворный, чтобы избѣжать этой грубой западни. Можно впрочемъ думать, что у набоа было въ обычаѣ предлагать за деньги европейскимъ путешественникамъ своихъ невольницъ. Всѣ эти проказы были, кажется, придуманы набоомъ съ цѣлію выманить у Вольфа деньги.

На другой день утромъ явился Макрамъ и звалъ доктора къ Эмиру. Эмиръ принялъ его съ гнѣвомъ, приказалъ ему возвратиться въ прежнее жилище. Такъ какъ въ этомъ же домѣ жилъ и персидскій посланникъ, то Вольфъ весьма охотно исполнилъ приказаніе. Аббасъ-Кули-Ханъ разсѣялъ его опасенія, показавъ ему свои инструкціи.

Вечеромъ того же дня явился Макрамъ и объявилъ Вольфу, что Эмиръ *покраснѣлъ* отъ гнѣва, узнавъ о страхѣ, столь безразсудно выказанномъ Вольфомъ, и предлагаетъ ему на выборъ, или тотчасъ же покинуть Бухару безъ почестей, или выѣхать съ знаками уваженія и милости; въ послѣднемъ случаѣ Эмиръ обѣщалъ по возвращеніи изъ Самарканда, дать ему почетный кафтанъ и отправить съ нимъ посланника къ Королеву. Вольфъ отдалъ все это на произволъ Эмира. Нѣсколько дней спустя Эмиръ отправился для завоеванія Ташкенда и Коканда, но не сдѣлалъ распоряженій относительно Вольфа. Абдулъ-Сашутъ-Ханъ разглашалъ всюду, что докторъ будетъ казненъ. Однажды явился къ нему молла,

предлагавшій на выборъ смерть или отреченіе отъ вѣры; даже палачъ, предупреждая день, въ которой ему должно будетъ исполнить свою страшную должность, навѣстилъ обѣщанную ему жертву. Одинъ только Аббасъ-Кули-Ханъ оставался вѣренъ миссіонеру, но не скрывалъ отъ него, что они оба находятся въ затруднительномъ положеніи. Опасаясь, чтобы наибъ не употребилъ яду, онъ давалъ Вольфу кушанья, приготовленные своими поварами. (1).

Наконецъ, благодаря настойчивости Аббасъ-Кули-Хана, Эмиръ согласился отпустить Вольфа. При последнемъ свиданіи онъ сказалъ доктору: съ тобою поѣдетъ Абуль-Касемъ, который проводитъ тебя въ Англію. Стодартъ и Конолли возбуждали Кокандъ и Ургенчъ къ войнѣ противу меня, и за то казнены. Ты, Іосифъ Вольфъ, показалъ себя человѣкомъ ученымъ и осторожнымъ, потому то мы обходились съ тобою благосклонно. Вольфъ, хорошо знавшій истинну слова Эмира, отвѣчалъ ему: „Европейцы часто посѣщаютъ другія страны, не зная ихъ обычаевъ и потому невольно могутъ подвергнуться весьма важнымъ ошибкамъ.“

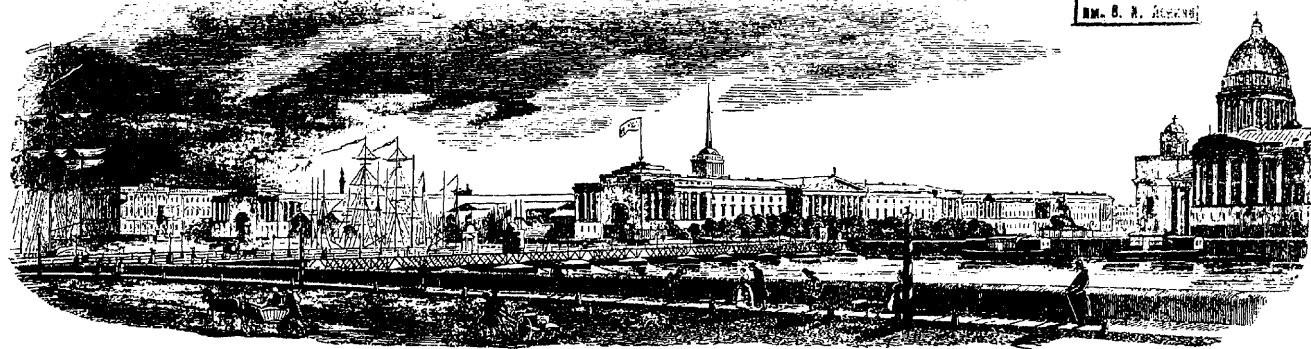
Вольфъ составилъ списокъ жертвъ, погибшихъ по наученію Абдуль-Самутъ - Хана или въ слѣдствіе его интригъ. Кромѣ Туркоманца, посланнаго изъ Мерви въ Бухару для облегченія Стодарту побѣга, и Мешидскаго жида, привезшаго письмо Конолли, погибли: грекъ изъ Сціо (Юсуфъ-Ханъ), Италіанскій путешественникъ (кавалеръ Жесли), какой-то неизвѣстный англичанинъ, называвшій себя Гатта, капитанъ Нибуръ, еще пять англичанъ и наконецъ Стодартъ и Конолли. Всего тринадцать человѣкъ.

(1) Къ этому времени относятся и два письма, написанныя Вольфомъ изъ Бухары, одно ко всѣмъ европейскимъ державамъ, въ которомъ онъ указывалъ на плачевное положеніе двухъ сотъ тысячъ персидскихъ плѣнниковъ, разсыянныхъ по Бухарѣ, другое къ своему семейству. Оба были отправлены не запечатанными, и въ такомъ видѣ прошли черезъ Бухару, Хорасанъ, Персію и Турцію.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Государственное
издательство
И. В. А. Мещеряков

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 18. — Суббота, 4 Августа 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Фултъонъ, изобрѣтатель паровъ. — Перепечатки. — Извѣстія изъ Симферополя. — Песчаное плаваніе по Азовскому Морю. — Образы для церкви на Аптекарскомъ Острову К. П. Брюллова. — Психологическія замѣтки. — Анекдотъ о Лебедевѣ. — Описаніе Пулковской Центральной Обсерваторіи. — Почтовое пароходство.

На этомъ прекрасномъ свѣтѣ есть двѣ истины. Одна истина, другая ложь, но ее выдаютъ за истину люди смѣтливые, принимаютъ за истину люди легковѣрные и легкомысленные. Если вы скажете : я ученый человѣкъ, то хотя бы это восклицаніе окружали тысячи шибкохъ, обличающихъ не посѣпшность, а дѣйствительное невѣжество, все равно, толпа восклицаетъ : какой онъ ученый человѣкъ! Намъ же дѣла удалось читать статью о просвѣщеніи, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, обо всемъ; это былъ какой-то винегретъ разной разности; насъ удивляла и забавляла отъ вага сочинителя, съ какою онъ разсуждалъ о предметахъ, вовсе для него недоступныхъ, на какомъ то русскомъ или блорусскомъ нарѣчій, разсуждалъ, само собою разумѣется, не въ попадѣ, мѣшая старину забытую, съ новостями, о которыхъ зналъ по наслышкѣ. Со смѣхомъ мы бросали этотъ винегретъ и за него съ жадностію схватились кочующій любитель чтенія. Намъ стало любопытно, что выйдетъ изъ этого чтенія. Не ужели на лицѣ этого чтеца (потому что читателемъ называть его не лзя, какъ увидите) не блеснетъ искра негодованія, не пробѣжитъ улыбка презрѣнія... Ничего не бывало. Чтецъ прочелъ и задумался. Подумалъ и передалъ винегретъ другому, сказалъ : Прочти любезный! Экая ученость огромная! все знаетъ, обо всемъ говорить! Вотъ я ужъ сколько разъ читалъ, что Уатъ былъ прежде Фултъона, и что пары какъ снала, открыты болѣе давно... Поди, что иногда пишуть! Ахъ пары то, новаго двигателя — открылъ Фултъонъ! а Уатъ примѣнилъ ихъ къ фабрикамъ! Экая ученость! Обо всемъ говорить!..

— И самую сущую правду. Божится и клянется, что пишетъ правду, заимѣлъ другой чтецъ. А что говорить про него, такъ это завистники. Знаешь ли до чего они дошли. Толкують будто ужъ онъ и по латынѣ ни аза въ глаза не знаетъ. Въ ученой и многотомной книгѣ онъ напечаталъ, что Prefectus costrensis — значитъ начальникъ евнуховъ.

— Ну, если напечаталъ, такъ и быть ему начальникомъ евнуховъ... Въдъ онъ клянется, что правда. Вотъ теперь тоже можетъ быть скажутъ, что не Фултъонъ изобрѣлъ пары...

— Фултъонъ!

— Фултъонъ, разумѣется. Въдъ про Фултъона и романъ есть!

— Какъ же, и большой романъ; я читалъ...

Скажите, неужели это съ одной стороны не забавно, съ другой не печально. Смѣшно, что тотъ, кто клянется и божится, что пишетъ правду, такъ неосторожно обнаруживаетъ свое не знаніе; печально, грустно, что у насъ можно писать такія небылицы во всеобщее чтеніе и въ то же время высокопарно разглаговольствовать о просвѣщеніи. Положимъ, на людей можно писать что угодно, потому что люди иногда неумышленно соприкасаются интересами. Франція не сердилась даже на записки Видока, но у Видока и клевета обличена вѣроятностію. Тамъ, покрайней мѣрѣ, все похоже на правду...

* * * Отвратимъ взоры отъ этого грустнаго предмета. Величіе литературы унижается подобными явленіями. Простительна ошибка, промахъ, если видишь, что причинное ихъ случайная посѣпшность или другой невинный пошлость, но гдѣ замѣчаешь умышленъ, ловку, которыхъ не узнаніе не дозволяетъ прикрывать благовидію, неполно ощущаешь какое-то оскорбительное чувство. Кажется, будто авторъ увѣренъ въ ограниченности свѣдѣній своихъ читателей и шалитъ на ихъ счетъ. — Право бы лучше перепечатывать дѣльныя, хотя и сухія статьи изъ губернскихъ вѣдомостей, чѣмъ писать такія винегреды. Изъ этого отношенія бывають забавные случаи. Газеты соперничаютъ въ чѣмъ бы выдумали? Кто прежде перепечатаетъ чужую статью! Право, въ этомъ нѣтъ ни заслуги, ни проступка. Дѣтскіе споры. На нихъ смотрѣть не грустно, а жалко.

* * * Положеніе нашей литературы походить на состояніе атмосферы въ Симферополѣ. Тамъ теперь невыносимо жарко, все высохло. На мельницахъ за перемолъ четверти берутъ 2 руб. сер.

* * * Состоянія моря сама себя берутъ жертвы. Новороссійскій мѣшанинъ В. Думанскій нанялъ себя въ Анапѣ лодочника съ 4 матросами; баркасъ въ 15 аршинъ давно нагружалъ сотней барановъ, сѣномъ, и семействомъ и отправился, въ Новороссійское укрѣпленіе. 21-го іюня захватили ихъ ужасная буря; ночью шквалъ положилъ паруса и мачту на воду; грузъ потонулъ; всю ночь люди провели сплывающіе на борту лодки. Къ утру буря усилилась, вѣтры перескакивали черезъ головы несчастныхъ пловцовъ; море добивалось жертвъ. Дня 2-го люди успѣли обрѣзати паруса и ванты; утащили лодку килемъ вѣзъ, но она была безъ руля, мачты, веселья и полна воды. 22-го іюня мало-

лѣтная дочь а на другой день и жена Думанскаго, умерли и пушены на воду. Море не довольствовалося этой добычей; буря продолжалась до 25 числа. Пловцы питаются сухарями, случайно уцѣлѣвшими, прихлѣбывали морскую волю; и буря утихла — по въ морѣ невидано было ни одного вѣтрила до 27 іюня. Въ этотъ день показалося каботажное судно Св. Николай, шк. Гадовичъ, заимѣло несчастныхъ, взяло лодку на буксиръ, но не могло взять къ себѣ людей, потому что это подвергло бы его карантину. Въ самомъ бѣдственномъ положеніи оно привезло ихъ въ Керчь уже 28 іюня. Семь страшныхъ дней провели эти несчастные въ буйномъ морѣ.

* * * У насъ за то, на Сѣверѣ, погода совершенно исправилась; наступило лѣто знойное, освѣжаемое дождями. Даже въ каменныхъ улицахъ самаго Петербурга воздухъ не такъ тяжелъ; итѣтъ той духоты, которая обыкновенно тягоститъ надъ нашей столицей. Мы мало видимъ Петербургъ лѣтомъ; дача разлучаетъ на долго съ змѣинымъ городомъ. Мы выразились такъ, потому что многія части Петербурга, хотя и входятъ въ дѣйствительный составъ столицы, но все такъ служатъ такъ сказать дачными мѣстами, на примѣръ: острова Аптекарскій, Петровскій, Строгановская дача, и другія.

* * * На Аптекарскомъ, въ новопостроенной церкви, К. П. Брюлловъ оканчиваетъ мѣстные образы. Многие видѣли эти образы въ произведеніи иссравленной кисти. Византійскій стиль ни мало не повредилъ изысчеству сочиненія и исполненія; эти образы можно назвать живыми; въ нихъ превосходная живопись дышетъ разумною высокою мыслию. — Не подумайте, что мы безусловно удивляемся всему тому, что выходитъ изъ подъ руки Карла Павловича. Но что же дѣлать, мы такъ уже созданы, что видимъ, любимъ видѣть одиѣ достоинства тамъ, гдѣ достоинство замѣняютъ своими блескомъ ничтожныя мелочныя недостатки. Этими недостатками мы жертвуемъ для удовольствія тѣхъ, которые вѣсятъ въ Фултъонѣмъ пообрѣтати пары и болро, борзо и безъ дальнѣйшихъ свѣдѣній въ искусствѣ разсуждаютъ о чѣмъ бы вы думали: о рисункѣ Брюллова! Право разсуждаютъ!

* * * Чтобы видѣть и чувствовать достоинства какого бы то ни было художественнаго произведенія, требуются нравственные качества, независимо отъ техническихъ и историческихъ свѣдѣній. Не помнимъ, кто сказалъ, что душа человѣка есть зеркало, на которомъ съ вѣрностію отражаются только однородныя явленія. Если душа чиста — то отражаетъ только чистое, высокое, изысченное. Если

Послѣ продолжительнаго, торжественнаго молчанія, прерываемаго всхлипываніями маркизы и шопотомъ Жерве, старавшагося обраться на себя вниманіе своего хозяина, Альфонсъ взялъ мать свою за руку, не произнеся ни слова ввелъ ее въ спальню и съ глубоко умоляющимъ видомъ молча указалъ на молодую дѣвушку.

Ида, съ потупленною головою и накрестъ сложенными на груди руками, стояла на колымажѣ на коврѣ, возлѣ кровати...

Маркиза простояла нѣсколько секундъ въ молчаніи... различныя ощущенія боролась въ душѣ ея... Наконецъ, она тихо ступила два шага... подала руку молодой дѣвушкѣ и произнесла тихимъ голосомъ и какъ бы съ усмѣшкою:

— Ида... обними меня... дочь моя!...

X.

— Хозяинъ, а хозяинъ! — говорилъ Жерве, дергалъ Бридо за рукавъ, между тѣмъ какъ маркиза осталась одна въ спальнѣ съ молодыми людьми, — хозяинъ, слышали ли вы выстрѣлъ?..

— Какой выстрѣлъ? — спросилъ хозяинъ, забывшій отъ радости объ обстоятельстве, которое за минуту столько испугало всѣхъ.

— Пистолетный, — важно отвѣчалъ Жерве, — неужто вы не слышали?... А меня такъ, просто, оглушило!..

— Ахъ, да! — сказалъ мелочной торговецъ, — кто выстрѣлилъ?

— Я... то есть не я... а пистолетъ... я развѣ зналъ, что онъ былъ заряженъ?..

— Какой пистолетъ? Гдѣ ты его досталъ?

— Извольте видѣть, собака наша сначала такъ страшно стала лаять, а потомъ выть, что я не могъ никакъ заснуть... я долго вертелся съ боку на бокъ и, наконецъ, рѣшился идти посмотрѣть, что такое дѣлается на дворѣ. Выхожу... темно, страшно. Едва я сбѣжалъ нѣсколько шаговъ, какъ задулъ за что-то... я спотыкнулся и въ то же время раздался страшный выстрѣлъ. Я думалъ, что меня прострѣлили насквозь какіе нибудь разбойники, закричалъ, повалился я минуту пролежалъ какъ мертвый. Наконецъ, я очнулся... ощупалъ себя и вижу... странное дѣло!.. что я живъ; только въ воздухѣ пахло жаренымъ порохомъ. Я протянулъ руку, сталъ шарить по землѣ... вдругъ схватился за что-то холодное... я отдернулъ руку какъ отъ змѣи... Страшно!..

Съ этимъ словомъ Жерве сталъ потихоньку вынимать изъ кармана своего халата пистолетъ. Онъ хотѣлъ продолжать свой рассказъ, но былъ прерванъ маркизой, которая вмѣстѣ съ сыномъ и Идой вошла въ гостиную.

Начинало свѣтать. Слабое сѣроватое отраженіе пролежавшагося горизонта освѣщало комнату...

— Мосе Бридо, — сказала маркиза, ласково протянулъ мелочному торговцу руку, — вотъ дѣти мои... Они будутъ счастливы... Довольны ли вы мною?

Бридо не сказалъ ни слова, но съ жаромъ схватилъ руку маркизы и прижалъ ее къ губамъ своимъ.

— Вишь злая-то маркиза сегодня какая добренькая!.. проговорилъ Жерве.

— Но, мосе Бридо, вы не сказали мнѣ имени матери Иды?.. спросила тихимъ голосомъ маркиза.

— Это моя тайна, — отвѣчалъ Бридо, вздохнувъ.

— Я сейчасъ видѣла портретъ ея, — продолжала маркиза тихимъ голосомъ и пожавъ руку Бридо.

Онъ молча и съ грустію опустилъ голову...

П. Фурманъ.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ.

Когда шайки пугачевской сволочи буйствовали въ губерніяхъ: Сибирской и Саратовской, то многіе изъ обывателей бѣжали въ Астрахань, спасая жизни и часть узвезеннаго или имущества. Уже въ началѣ и въ этомъ удивленномъ, окруженномъ неизбѣжными стенами городѣ. Въ это время управлялъ астраханскую и саратовскую церковію преосвященный Меодій, архипастырь, уважасмой Государынею и народомъ. Слыша и видя смуту народную, Святитель облачился въ ризы, вышелъ на площадь и проклиналъ измѣнниковъ, убѣждалъ бунную, поколебавшуюся отъ неслѣпыхъ толковъ чернь, что Пугачевъ есть Донской Казакъ Емелька, что онъ не увидитъ не только Астрахани, но и Чернаго Яра; да будетъ проклятъ онъ, сообщники его и всѣ дѣла его! — Сбылось предсказаніе архипастыря: Пугачевъ вскорѣ разбитъ на голову, выше Чернаго Яра, въ 70 верстахъ. Преосвященный не зналъ объ этомъ; на другой день, послѣ разгрома толпы самозванца, архипастырь по утра велѣлъ торжественно колокольнымъ звономъ возвестить народу, что мятежники разбиты, и, по совершеніи благодарственнаго месалба, цѣлый день производить колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ города. Войска преслѣдовали стоглавую гидру: каверстовъ схватили; сообщниковъ, бѣжавшихъ, искали и розыскали, взяли подъ стражу и скоро участь ихъ была рѣшена. Въ числѣ этихъ людей, увлеченныхъ бѣдственною крамолою, къ сожалѣнію, нашлось много духовныхъ — пѣвъ губерній: Казанской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и частью Тамбовской, почти со всего пространства, гдѣ буйствовала сволочь разбойника. Императрица отдала ихъ на судъ преосвященному Меодію, сказавъ: *какому онъ изъ приговоритъ, такъ тому и быть.* 1775 году, въ мѣсяцъ іюль, привезли въ Астрахань, по Волгѣ, подсудимыхъ. Въ опредѣленный день, во 2 часу по полудни, ихъ вывели изъ темницъ, истомленныхъ неволею и обремененныхъ оковами, и при погребальномъ звонѣ колоколовъ, подъ прикрытіемъ стражи, привели ихъ къ собору, гдѣ собралось все астраханское духовенство. Жители пѣли сословій текла на это повороте, еще ни неслыханное. Преосвященный вышелъ изъ кельи въ облаченіи, съ посохомъ, пошелъ къ собору, и ставши на раскатѣ, велѣлъ несчастнымъ приближаться къ нему: оплевать ихъ взоромъ, онъ горько прослезился и нѣсколько минутъ плакалъ; наконецъ сказалъ: Богъ и Всемогущійшая Госу-

дарыня васъ прощаютъ, и я, по данной мнѣ отъ нея власти, прощаю васъ и разрываю. — Потомъ преосвященный велѣлъ снять съ нихъ оковы, и, остигнувъ ихъ благословеніемъ, велѣлъ имъ идти за собою въ соборъ, гдѣ было принесено благодарственное моленіе о здравіи Государыни, и звонъ во всѣхъ церквахъ продолжался цѣлый часъ. Наконецъ, они освобождены изъ подъ стражи, выданы виды, съ коими они возвратились въ мѣста своего жительства, съ пособіемъ и отеческими наставленіями, вспоминая милосердіе Государыни и раскаяваясь въ своихъ заблужденіяхъ.

Эти люди не были упорные преступники и враги Престола и Отечества; это была толпа людей грубыхъ, омраченныхъ невѣжествомъ, безъ умнаго измѣнившихъ своему долгу, однихъ страхомъ и силою увлеченныхъ въ вихрь крамолы, и потому болѣе жалкихъ, нежели достойныхъ кары. Они не участвовали въ разбоѣхъ. Потому Екатерина II, какъ милосердая мать народа, даровала имъ прощеніе.

МИССИОНЕРЪ ЮСІФЪ ВОЛЬФЪ

и плѣнные англичане въ Бухарѣ.

Подвигъ, сопряженный съ невыразимыми трудностями, даже съ опасностію жизни, и исполненный съ самоотверженіемъ и неустранимостью, вносящій заслуживающій удивленія; если же притомъ побудительной причиною этого подвига было самое безкорыстное и благородное чувство благодарности, то, кромѣ удивленія, онъ заслуживаетъ еще участія и уваженія.

Къ такимъ подвигамъ принадлежитъ путешествіе въ Бухарію, предпринятое въ 1843 году миссіонеромъ Вольфомъ, для освобожденія двухъ въ плѣну и заточеніи находившихся офицеровъ, полковника Стоддарта и капитана Конолли.

Въ 1838 году лордъ Пальмерстонъ приказалъ англійскому посланнику при персидскомъ дворѣ, полковнику Шилу, выбрать между подчиненными ему чиновниками, челоуѣка неустранимаго и способнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и немедленно отправить его въ Бухарію. Выборъ палъ на полковника Стоддарта, который вскорѣ и появился при дворѣ Эмира — для какой цѣли? неизвѣстно. Но такая бы она ни была, лорду Пальмерстону удалось ввести ко двору сильнѣйшаго изъ всѣхъ местныхъ правителей Средней Азіи, двухъ посланниковъ, уполномоченныхъ дѣйствовать въ пользу своей отчизны.

Мы уже коротко знакомы съ Стоддартомъ изъ «Странствователя по сушѣ и морямъ» нашего сѣлаго путешественника.

Положеніе полковника Стоддарта и капитана Конолли при дворѣ бухарскаго эмира являлось съ обстоятельствомъ; они находились, то въ величайшей милости у эмира Насръ-Уллы, который совѣтовался съ ними во всѣхъ своихъ дѣлахъ, то въ величайшей несправости, и тогда заключали ихъ въ мрачную, сырую темницу, гдѣ они почти умирали съ голоду. Обстоятельства ихъ зависѣли отъ успѣховъ англійскаго оружія на берегахъ Индуса и въ Афганистанѣ; Эмиръ лѣстилъ англійскимъ агентамъ или терзалъ ихъ, смотря по ширѣ расширенія или уменьшенія англійской власти.

У полковника Стоддарта и капитана Конолли были между тѣмъ въ Англіи родственники и друзья, заботившіеся объ нихъ. Короткій другъ перваго, капитанъ Гроверъ, безпокоясь объ участи Стоддарта, рѣшился освободить его. Въ 1843 году онъ представилъ министру вѣдѣвшихъ дѣла, лорду Эбердину, прошеніе, отправиться въ Бухарію въ качествѣ англійскаго посла и требовать у эмира освобожденія товарищей. Онъ неучаствовалъ, отказавъ, освободенія товарищей. Онъ неучаствовалъ, отказавъ, освободенія товарищей. Онъ неучаствовалъ, отказавъ, освободенія товарищей.

Около того же времени, явился въ іюнь 1843 года, докторъ богословіи Юсифъ Вольфъ, съ предложеніемъ ѣхать въ Бухарію къ эмиру, котораго лично зналъ, лишь бы ему доставили средство добѣжать туда; онъ ручался въ томъ, что уговоритъ эмира освободить плѣнныхъ посланцевъ,

не смотря на то, что въ то время Ковалевскій уже положительно объявлял о казни Стодарт и Конолли, что было известно Вольфу и друзьям казенных; помысль, надежда, за которую оплачивался человек до последней крайности, надежда, что, Ковалевскій могъ быть обманутъ ложными свѣдѣніями, заставилъ Вольфа вызваться на свой благородный подвигъ, а друзей Стодарт и Конолли принять этотъ вызовъ.

Вольфъ родился въ концѣ прошлаго столѣтія; родители его были свренскаго происхожденія. Ребенкомъ онъ прибылъ въ Англію, принявъ христіанскую вѣру и въ Оксфордскомъ университетѣ кончилъ курсъ богословія. Занимая мѣсто настоятеля въ Йоркширѣ, онъ ревностно изучалъ восточные языки, и приготовившись достаточнымъ образомъ, предпринялъ и исполнилъ отъ 1825 — 1832 года путешествіе на Востокъ, въ Сирію, Курдистанъ, Персію, Бухарію. Желая распространить свѣтъ христіанскаго религіи между полукичими, варварскими племенами Средней Азіи, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и томился въ самой жестокой и ужасной неволѣ, когда случайно встрѣтивъ капитана Конолла, былъ освобожденъ имъ.

Миссіонеръ не забылъ оказаннаго ему благоволенія. Узнавъ объ несчастной участи капитана, онъ рѣшился всѣмъ пожертвовать и употребить всѣ усилія, чтобы спасти его.

Капитанъ Гроверъ немедленно доставлялъ неустрашимому миссіонеру 500 фунтовъ стерлинговъ своихъ собственныхъ денегъ; но благодарное, великодушное намѣреніе доктора нашло отголосокъ въ сердцахъ Англичанъ, и вскоре, по подпискѣ, собрана была сумма, необходимая Вольфу для приведенія въ исполненіе своего намѣренія; капитану же Гроверу была возвращена большая, доставленная имъ сумма, изъ которой была оставлена только небольшая часть, равная приношеніямъ другихъ особъ, принимавшихъ живое участіе въ этомъ человеколюбивомъ дѣлѣ.

Въ июль сумма была собрана, но приготовленія къ отъѣзду продолжались до середины октября.

Наконецъ, 14-го октября 1845 года, миссіонеръ Вольфъ сѣлъ въ Сосемтонѣ на корабль «Неріа»; 20-го числа онъ былъ въ Гибралтарѣ, 26-го въ Мадридѣ, 29-го въ Афинахъ, гдѣ онъ имѣлъ аудіенцію у греческаго короля, и отдохнувъ тамъ нѣсколько дней, отправился далѣе чрезъ Константинополь къ Трапезондѣ, у сѣвернаго берега Малой Азіи, куда онъ прибылъ въ началѣ декабря; услужливостію европейскихъ консуловъ, ему тотчасъ же доставлены были средства продолжать дорогу сухимъ путемъ до Бухары. Только отсюда начинается любопытная занимательность путешествія Вольфа. Изъ Трапезонды онъ отправился сперва въ Ерзерумъ, откуда отъ 12-го декабря писалъ слѣдующее:

«Такъ какъ у меня было письмо отъ господина Герца, австрійскаго и русскаго консуля въ Трапезондѣ, къ богатому армянину, Араке-Чибукли-Оглу, — сынъ трубочнаго мастера, — то я остановился у него на квартирѣ и встрѣтился тамъ съ армянскимъ архіепископомъ, всендѣ образованнымъ человѣкомъ, который сказалъ мнѣ, что чинился случаю познакомиться съ «мистеръ Вольфомъ», о которомъ слышалъ такъ много хорошаго. Въ Ерзерумѣ 200 Армянъ, 200 мусульманъ, 400 Грековъ и 8 Армянъ-католиковъ. У Армянъ одна, а у Грековъ четыре церкви. Архіепископъ Гумушакскій имѣетъ въ вѣдѣніи Трапезондскаго архіепископа, и ежегодный доходъ его простирается только до 80 долларовъ (около 120 руб. серб.). Изъ Гумушакъ я выѣхалъ въ понедѣльникъ, 4-го декабря и переправившись черезъ рѣку, находящуюся перелѣ городомъ, поѣхалъ къ востоку по долинѣ, окруженной высокими горами и скалами. Мѣстоположеніе было прекрасное. Мы провели ночь въ жалкой лачужкѣ, а на другой день, около полудня, прибыли въ деревню Балафоръ, гдѣ я былъ радужно принятъ въ врачонъ жилищѣ, съ круглой крышей, одного армянина, къ которому у меня было письмо отъ гумушакскаго архіепископа; 6-го декабря мы прибыли въ Байбузъ, окруженный высокими, голыми скалами; быстрая рѣка течетъ близъ города, населеннаго 400 мусульманами, 100 армянами и имѣетъ шести

мечетей и одну церковь. Тутъ есть карантинъ, въ которомъ на девять дней задерживаютъ турокъ и вообще всѣхъ путешественниковъ, прѣзжающихъ изъ Турціи. Начальникомъ этого заведенія итальянскій врачъ, Лундипъ Эрзолиани.

7-го декабря. Сегодня мы прибыли въ селеніе Кобъ, гдѣ я долженъ былъ нанять двухъ людей, которые перенесли меня черезъ скалы покрытыя снѣгомъ. Семь часовъ спустя мы прибыли въ деревню Ашкалахъ, гдѣ надо было перебраться черезъ западный Евфратъ, называемый по турецки Кара-Су — черная вода. Въ Ашкалахъ я встрѣтилъ двухъ дѣрвишъ изъ Бухары, которые рассказали мнѣ, что англійскіе офицеры еще живы и обучаютъ войска эмира европейскому военному артикулу.»

Сильный снѣжный вихрь и дурная погода зачехлили выѣздъ Вольфа изъ Ерзерума, куда онъ прибылъ 16-го декабря. Проживъ десять дней, занесясь толпой одеждой и обувью, и получивъ отъ ерзерумскаго пашы 1080, а отъ неистовскаго 500 піастровъ дополнительныхъ денегъ изъ суммъ, собранной въ Англіи для путешествія его, Вольфъ сѣлъ направились чрезъ снѣжныя равнины къ Мулла-Солейману, куда онъ прѣѣхалъ 1-го января 1846 года, нѣсколько разъ подвергаясь опасности быть разграбленными кочующими Курдами. Наконецъ, 15-го января, онъ счастливо прибылъ въ Тавризъ и остановился у англійскаго генеральнаго консула. Проживавшій въ Тавризѣ персидскій принцъ Баманъ-Мирза, пожелавъ видѣть миссіонера, принялъ живое участіе въ его предпріятіи, доставилъ ему средства къ безопасному проѣзду въ Тегеранъ и далъ рекомендаціонныя письма ко многимъ персидскимъ вельможамъ въ Тегеранъ и Мешадъ; такъ что 20-го января Вольфъ предпринялъ путешествіе въ Тегеранъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; 11 дней спустя, прибылъ онъ въ столицу Персіи. Великобританскій посланникъ при персидскомъ дворѣ, полковникъ Шилъ, прекрасно принялъ миссіонера и выходилъ ему аудіенцію у шаха, который принял его ласково и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Въ полной увѣренности, что англійскіе офицеры были еще живы, хотя и томимы въ заключеніи, докторъ Вольфъ съ пріятными надеждами отправился въ началѣ марта въ Бухарію, снабженный строгимъ наказомъ персидскаго шаха къ бухарскому эмиру немедленно освободить плѣнныхъ. Онъ счастливо достигъ Мешада, пограничнаго персидскаго города, гдѣ встрѣтилъ агента полковника Стодартъ, которому послѣдній повѣрилъ множество шалей и другихъ драгоценныхъ вещей, на сумму 2000 фунтовъ стерлинговъ, и которыми, но легко-понятнымъ причинамъ, клался и божился, что полковникъ Стодартъ и товарищи его, давно уже лишены жизни. Не смотря на то, миссіонеръ съ большою поспѣшностью отправился къ своимъ плѣнъ, хотя съ дня на день, и чѣмъ болѣе приближался къ Бухарѣ, терялъ надежду застать несчастныхъ соотечественниковъ въ живыхъ. Но въ конномъ гурьмановѣ перешелъ онъ счастливо черезъ степь, и наконецъ, 25-го апрѣля прибылъ въ Бухару. Тамъ онъ узналъ утвердительно о смерти англійскихъ офицеровъ и написалъ въ началѣ мая къ капитану Гроверу письмо слѣдующаго содержанія:

«Я пишу это письмо въ домѣ Набъ-Заметь-Хана, начальника артиллеріи его высочества бухарскаго эмира, искренняго и благороднаго друга всѣхъ Англичанъ — и въ присутствіи Махрама — перваго калмыка двора с. в. эмира; и пишу по официальному повелѣнію эмира, которому долженъ предъявить переводъ моего письма, слѣдовательно ограничиваясь описаніемъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, безъ всякихъ разсужденій и замѣчаній. 29-го апрѣля эмиръ далъ мнѣ знати, чрезъ вышеупомянутаго уже Набъ и въ присутствіи муллы Казема и Махрама, что въ мѣсяцъ Садратанъ года 1259 — (Юль 1842 года) — онъ приказалъ казнить полковника Стодартъ и капитана Конолли. Перваго за то, что, во 1-хъ) онъ во многихъ случаяхъ дерзко обидѣлся съ с. в. эмиромъ; во 2-хъ) онъ принялъ мусульманскую вѣру и потомъ опять перешелъ въ христіанскую; въ 3-хъ) онъ обѣщалъ доставить черезъ четыре

мѣсяца письма изъ Англіи, въ которыхъ его признаютъ великобританскимъ посланкомъ; четыре мѣсяца прошло, писемъ не было, хотя эмиръ нарочно для полковника устроилъ почту. Что же касается до Конолли, то онъ былъ казненъ за то, что возмущалъ противу бухарскаго эмира, Хивинцевъ и Кокандцев; (*) Е. В. позволилъ мнѣ оставить Бухару 9-го мая. Изъ Мешада я доставляю вамъ подробнѣйшія свѣдѣнія.

Въ Англіи долго не хотѣли вѣрить этому письму, тѣмъ болѣе, что передъ отъѣздомъ своимъ Вольфъ объявлялъ, что если не застанетъ офицеровъ въ живыхъ, то изъ Бухары не будетъ писать. Но такъ какъ въ письмѣ было сказано, что оно написано по приказанію эмира, то всѣ еще надѣялись. Но надежда эта была не продолжительна. Въ октябрѣ въ Лондонѣ было получено новое письмо отъ Вольфа, въ которомъ онъ подтверждалъ извѣстіе о смерти офицеровъ и писалъ, что онъ самъ находился въ крайней опасности. Письмо было отъ 27-го іюня и содержало съ собою слѣдующее:

«Вотъ уже два мѣсяца, какъ я прибылъ въ Бухару и хотя эмиръ не разъ обѣщалъ отправить меня обратно въ Англію, я нахожусь въ большой опасности. Я не иначе сѣю выдти на улицу, какъ въ сопровожденіи трехъ солдатъ. Меня самымъ подлымъ образомъ обманулъ, обокрали и оскорбляютъ. Персидскій посолъ благоволилъ ко мнѣ, но я не думаю, чтобы онъ имѣлъ довольно власти, чтобы спасти меня. Набъ-Абдулъ-Суммукъ-Ханъ заставлялъ меня насильственнымъ образомъ подписать обязательство, по которому я долженъ выплатить ему 5000 томановъ выкупа. Я полагаю, что онъ виновникъ смерти Стодартъ и Конолли, хотя онъ и не перестаетъ увѣрять меня въ преданности своей Англіи. Эмиръ находится теперь въ Самаркандѣ и, мнѣ сказали, съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстія о моей смерти. Правда, что бывший Стодартъ, принявшій по принужденію, мусульманское вѣроисповѣданіе, потомъ, открыто, опять воротился къ христіанской вѣрѣ. Позаботьтесь обо мнѣ; дѣлайте, что возможно, но не унижайте чести Англіи.»

Нѣсколько времени спустя въ англійскихъ газетахъ появилось еще письмо:

«Мешадъ, мѣсяца Шабаанъ, 25-го дня. 1844.

«Любезный Гроверъ! Такъ какъ я не сѣмъ вести въ Бухарѣ своихъ записокъ, то я забылъ число христіанскаго мѣсяца!

«Не смотря на то, что коварный и низкій Набъ-Абдулъ-Суммукъ-Ханъ взялъ съ меня обѣщаніе заплатить ему 5000 томановъ, моя казнина бы, если бы персидскій посланникъ Аббасъ — Келъ-Ханъ не спасъ меня. Теперь я прибылъ въ Персію большой, измученный, ограбленный и, кромѣ того, съ долгомъ въ 5000 томановъ, который я долженъ заплатить брату Набъ-Абдулъ-Суммукъ-Хана, проводившему меня въ Тегеранъ. Помогите мнѣ, если можно, а итѣ — такъ надо будетъ плати въ тюрьму. Эмиръ бухарскій отправилъ въѣздъ ко мною посла въ Англію, а Набъ, заставивъ меня, окруженнаго стражей, въ своемъ саду, подписать обязательство на 5000 томановъ, заставлялъ въ то же время подписать обѣщаніе, что я беру на себя всѣ путевыя издержки посла, отправленнаго въ Англію. Кромѣ того, этотъ посолъ возмущалъ противъ насъ, посредъ степи, туркомановъ, которымъ мы должны были выплатить 150 томановъ. Всѣ ваши

«Юсупъ Вольфъ.»

Изъ другаго письма миссіонера Вольфа явствуетъ еще, что кромѣ Стодартъ и Конолли, въ Бухарѣ былъ еще казненъ третій англійскій офицеръ, лейтенантъ Вибордъ, неизвестно по какимъ причинамъ.

Наконецъ, миссіонеръ прибылъ въ Тегеранъ, и слѣдовательно, спасенъ. Мы съ удовольствіемъ, можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что онъ теперь ужъ прибылъ въ Англію, гдѣ честили и праздновали его возвращеніе.

Дочери полковника Стодартъ получили пенсію въ 150 фунтовъ стерлинговъ.

(*) Пускай Кокандцевъ, потому что Конолли прѣзжалъ изъ Коканъ, а ужъ Хивинцевъ почему?

Міссіонеръ Іосифъ Вольфъ.

Достъ Мухамедъ.

Начальники Бухарскаго народа.